

МИШЕЛЬ САЙМС

при участии
ЛОРЫ ДЕ ШАНТАЛЬ

ВРАЧИ-УБИЙЦЫ

**БЕСЧЕЛОВЕЧНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ
НАД ЛЮДЬМИ В ЛАГЕРЯХ
СМЕРТИ**

под научной редакцией
КАРИНЫ РЫТОВОЙ, врача,
судебно-медицинского
эксперта, автора блога
coroner_rytova

Мишель Саймс
Врачи-убийцы. Бесчеловечные
эксперименты над
людьми в лагерях смерти
Серия «Темные архивы. Книги
о жутких экспериментах
и практиках над людьми»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70259950

*Врачи-убийцы. Бесчеловечные эксперименты над людьми в лагерях
смерти: Эксмо; Москва; 2024
ISBN 978-5-04-197941-6*

Аннотация

Ужасающие истории о тех, кто проводил эксперименты, заставляющие стынуть в жилах кровь. Мишель Саймс, практикующий врач и популярный ведущий медицинских программ, предоставляет доказательства этих бесчеловечных деяний, поименно называя тех, кто руководил, мучил, уничтожал.

Менгеле, Клауберг, Рашер, Хирт, Бейгльбёк, Гиммлер, Хайм, Оберхойзер, Динг-Шулер – за всеми преступлениями стоят реальные личности, портреты которых нам мастерски точно

рисует автор, показывая, что реальность порой хуже любого ночного кошмара.

Сохранен издательский макет.

Содержание

Пролог	7
1	12
2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Мишель Саймс Врачи-убийцы. Бесчеловечные эксперименты над людьми в лагерях смерти

© Чорный Иван, перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Среди множества книг, посвященных данной теме, есть две, без которых я не смог бы написать эту: *Croix gammée contre caducée. Les expériences humaines en Allemagne pendant la Deuxième Guerre mondiale* («Свастика против кадуцея. Эксперименты на людях в Германии во время Второй мировой войны») Франсуа Бейля (1950) и *Les Médecins de la mort* («Врачи смерти») Филипа Азиза под редакцией Жана Дюмона (1975). Я также хотел бы поблагодарить Ксавье Бигара и Бруно Халиуа за их консультации и помощь.

Посвящается

Глике

Шаиму и Менделю

*Моим детям
Тем, кого уже нет*

Наука без совести – это гибель души.
Ф. Рабле

Пролог

Вот оно.

Я стою перед зданием с закрытыми дверями, похожим на другие строения вокруг меня.

Именно здесь столько человеческих подопытных кроликов подвергались издевательствам тех, кого называли врачами. Врачами, с которыми, возможно, столкнулись два моих деда, сгинувшие в этом зловещем лагере.

Именно там самый известный из них, Йозеф Менгеле, ненасытно наблюдал за близнецами, которых собирался принести в жертву. А затем произвести вскрытие.

Чтобы посмотреть.

Чтобы попытаться найти.

Чтобы попытаться понять.

Посмотреть, найти, понять... но что?

Я в ошеломлении, недоумении перед этим наполненным ужасами местом.

За этими стенами, за этими закрытыми окнами, за этими закрытыми дверями я слышу крики, плач.

Я вижу истощенные тела, корчащиеся от боли, умоляющие. Все те зверские образы, которые несет на своих руках история того времени.

Я нахожусь в Освенциме.

Это путешествие по тропам памяти, мое личное паломни-

чество, которое я много раз откладывал.

Здесь, перед этим зданием, мое сердце врача ничего не понимает.

Как можно хотеть заниматься профессией, чья высшая цель — спасти жизни, и при этом дарить смерть тем, кого перестали считать людьми?

Я понимаю, это слишком наивный вопрос, но я хочу знать.

Я снова и снова читаю и перечитываю тех, кто пытается объяснить необъяснимое.

Но здесь, на месте преступления, я вижу.

Больше никакого анализа. Никаких объяснений.

Один лишь ужас.

Ужас поневоле.

Прямо передо мной.

Слово. Чувство. Наказ, который внезапно пришел ко мне в тот день, одновременно с ощущением собственной самонадеянности. О чем я поведаю, ведь я никогда не переживал ничего подобного? О чем расскажу?

О своих эмоциях? О нравственных страданиях?

Кто я такой по сравнению с теми, кто действительно находился в этих стенах?

И все же благодаря моей работе, благодаря этой части моей семьи, которую я никогда не знал, я чувствую потребность, призыв.

Спустя годы после поездки ощущение самонадеянности, которое я испытал, изменилось.

В память добавились отрицание, ревизионизм¹, тошнотворный «гуморизм»², все фразы, произнесенные в безобидной манере: «Они занимались ужасными вещами, но это продвинуло медицину...»

А если это действительно так? Быть не может. В моем картезианском³ научном сознании, в маленьком этически подпитанном мозге врача ужас не приводит к медицинским достижениям.

Я убеждал себя: все эти мучители – докторишки, отвергнутые сверстниками, осмеянные преподавателями и наконец-то нашедшие способ доказать, что все ошибались на их счет.

Они собирались доказать академикам, что и они, эти ничтожества, могут принять участие в безумном проекте Третьего рейха.

¹ Ревизионизм (*revisio* – «пересмотр», от лат. *re* – «пере» и *visio* – «смотреть») – идейные направления, провозглашающие необходимость пересмотра (*ревизиш*) какой-либо устоявшейся теории или доктрины. – *Примеч. ред.*

² Гуморальная теория подразумевает, что в теле человека протекают четыре основные жидкости (гуморы): кровь, флегма (слизь), желтая желчь и черная желчь. В норме они находятся в балансе, однако избыток одной или нескольких вызывает практически все болезни. Соответственно, лечение заключается в удалении избыточного гумора – обычно через специально подобранное питание и психологические меры. – *Примеч. ред.*

³ Картезианство (от лат. *Cartesius*, латинизированное имя Декарта) – направление в истории философии. Характерные черты: скептицизм и рационализм. Основу картезианской системы мира составляет последовательный механицизм: правила механики тождественны принципам природы. – *Примеч. ред.*

Они собирались найти способ сделать немецкий народ самым «здоровым» за всю историю человечества.

В течение многих лет я хотел написать эту книгу.

Чтобы проверить свои предрассудки на прочность.

Показать: все напрасно.

Все бессмысленно. Невыносимо бессмысленно. Когда необходимость стала слишком острой, когда я услышал слишком много голосов, которые все громче и громче говорили, что эксперименты могли привести к научному прорыву, я достал документы и начал писать.

Реальность оказалась хуже, чем я представлял.

Не все были сумасшедшими, эти врачи ужасов, и не все были некомпетентны.

А что насчет результатов экспериментов, обсуждаемых экспертами на Нюрнбергском процессе по делу врачей? Принесли ли они какую-либо пользу? Использовались ли союзниками после войны? Что стало с теми, кто был «эксфильтрирован»⁴?

Об этом я и хотел рассказать.

Я не претендую на исчерпывающую полноту. Я не историк.

Просто врач.

Я передаю знания. Я популяризатор.

Именно в этом качестве я хотел описать то, что произо-

⁴ Эксфильтрация (от лат. *ex* – «из» и ср. – век. лат. *filtratio* – «процеживание») – это просачивание.

шло. Другие делали это до меня, по-другому, лучше, но я считаю, что в этой области никогда не может быть избытка в желающих рассказать.

Это мой маленький, скромный вклад в хрупкое здание памяти о жертвах преступлений против человечности.

1

«Мы, государство, Гитлер и Гиммлер, берем на себя ответственность. Вы, врачи, лишь орудия» Нюрнбергский кодекс

Как врач может стать палачом? Как человек, чье предназначение лечить других людей, решает причинить им страдания? В великолепном здании Нюрнбергского суда, расположенном в одной из немногих частей города, не представляющей собой руины, эксперты, ответственные за суд над двадцатью с лишним обвиняемых врачей, должны были многократно задаться этими вопросами. Конец 1946 года. Нюрнбергский процесс, длившийся с ноября 1945 по октябрь 1946 года, едва успел закончиться, как начался суд по делу врачей – один из процессов, также проходивших в Нюрнберге. Задача экспертов была непростой: им предстояло вершить правосудие над деяниями, которые вызывали ужас – неописуемый и невообразимый ужас экспериментов над людьми.

Незадолго до окончания «большого» Нюрнбергского процесса над нацистскими чиновниками комиссии экспертов

при Управлении по военным преступлениям поручили расследовать нацистскую «медицину» в лагерях. Возглавлявший комиссию Клио Штрайт собрал многочисленные уличающие документы, вещественные доказательства и свидетельства. Штрайт констатировал: нацистские врачи не просто убивали, но и причиняли людям беспрецедентные страдания – хуже, чем в газовых камерах. Члены комиссии, а затем и все остальные узнали, что в Дахау Зигмунд Рашер оставлял заключенных умирать в бассейнах с ледяной водой, чтобы провести исследования гипотермии. В Бухенвальде и Нацвейлер-Штрутгофе жертв специально заражали тифом, холерой и другими инфекционными заболеваниями. В Равенсбрюке женщинам ломали колени для проведения экспериментов над мышцами. В Освенциме Менгеле дал волю своим фантазиям о близнецах. Сам он между тем на суде не присутствовал: ему удалось скрыться, и по иронии судьбы, когда начался процесс, Менгеле находился неподалеку. Скрылся в Баварии вместе с семьей, а затем в Латинской Америке, где он и скончался от естественных причин в 1979 году. В то время как Рашера убили, других арестовали в последний момент: Оскар Шредер, Зигфрид Руфф и Конрад Шефер, который уже нашел работу и начал новую жизнь в... ВВС США. Неважно, присутствовали ли эти палачи на суде, погибли или пропали без вести, – их преступления остаются в устах обвинения. Пока этого достаточно.

На скамье подсудимых около двадцати человек разных

специальностей и возрастов (на момент суда им было от тридцати пяти до шестидесяти двух лет): четыре хирурга (Карл Брандт, Фриц Фишер, Карл Гебхардт, Пауль Росток), три дерматолога (Курт Бломе, Адольф Покорный, Герта Оберхойзер), четыре бактериолога (Зигфрид Хандлозер, Иоахим Мруговский, Герхард Розе и Оскар Шредер), специалист по внутренним болезням (Вильгельм Байгльбёк), рентгенолог (Георг Август Вельц), два врача общей практики (Вальдемар Ховен, Карл Генцкен), генетик (Гельмут Поппендик) и четыре исследователя (Герман Беккер-Фрейзенг, Ганс-Вольфганг Ромберг, Зигфрид Руфф и Конрад Шефер). Медицинская профессия представлена во всех ее разновидностях. Женщина лишь одна – Герта Оберхойзер, что достаточно репрезентативно для медицины того времени. В них нет ничего особенного, на вид обычные люди той эпохи.

Фотографии некоторых выставлены у меня в кабинете. Иногда я смотрю на них, пытаюсь понять, что могло превратить их в палачей, что в их личности, в их истории могло вступить в физическую реакцию с тем чудовищным периодом и создать невероятное химическое соединение, способное превратить врача в убийцу, исследователя – в палача.

Нам хотелось бы думать – предвзятая идея, не имеющая другой функции, кроме как успокаивать, особенно тех, кто, как и я, принадлежит к медицинской профессии, – что эти ужасные преступники являлись незадачливыми

докторишками.

Нам бы хотелось, чтобы они все были неудачниками, не очень умными практиками, которые под влиянием окружения и идеологии воспользовались временем и изоляцией лагерей для игрищ в изобретателей. У них был приказ, они могли действовать свободно, экспериментируя непосредственно на людях, тем самым миновав ряд предварительных этапов стандартных медицинских протоколов. Разумеется, они не были столь скрупулезными и четкими, как сегодня, и все же существовали. Уже тогда подчеркивалась необходимость добровольного согласия, причем настолько, что некоторые врачи предпочитали проводить эксперименты на себе.

В настоящее время все они сначала проводятся на тканях, затем на мелких животных, потом на крупных, далее предлагаются очень большой выборке здоровых людей и, наконец, пациентам, причем в рамках двойного слепого исследования, чтобы ни врач, ни пациент не могли поддаваться влиянию эффекта плацебо. Весь протокол занимает время, огромное количество времени: идею исследователя от конечного результата могут отделять десятилетия. Таким образом, в военное время, когда массово гибнут люди, замерзают летчики, упавшие в море, столь долгое ожидание может показаться лишним. Это не так, и все врачи с этим согласны. Между тем, когда господствующая идеология пропагандирова-

ла *Geradeaus* – действовать напрямик, – а Гиммлер говорил ученым: «Не переставайте пробовать», такие люди, как Рашер, без колебаний погружали заключенных в ледяную воду! Упрощая, можно сказать: по общему мнению, эти врачи-вредители – прежде всего плохие врачи, жертвы безумной эпохи, существа настолько бездарные, что стали воплощением зла. В случае с самыми умными или одаренными речь о безумии: Менгеле был психически больным. Между тем большинство окончили лучшие университеты Германии того времени, имевшие очень высокую репутацию по ряду дисциплин, в том числе по медицине. Следует отметить, что ряд высокопоставленных врачей не преминули лично присутствовать при проведении экспериментов. На фотографиях врачи-вредители выглядят как самые обычные врачи. Еще одно распространенное предубеждение связано с бесполезностью экспериментов. Действительно, с методологической точки зрения они «невоспроизводимы», а со статистической – нерепрезентативны (слишком малая выборка). Более того, эти эксперименты не дали никакой новой информации о гипотермии, мескалине, употреблении соленой воды, развитии открытых ран или течении инфекционных заболеваний (вплоть до летального исхода). Однако не все результаты оказались невостребованными, если не сказать неиспользованными.

На мой взгляд, наиболее интересными для понимания данного факта являются аргументы, которые врачи приво-

дили в свою защиту в ходе судебного процесса. Естественно, я не считаю их справедливыми, однако обвиняемые явно хотели, чтобы им поверили – начиная, возможно, с них самих. Разумеется, эти люди пытались спасти свои шкуры, возможно и души. Итак, они выдвинули семь аргументов в свою защиту: устаревший характер клятвы Гиппократата; аналогия с экспериментами, проводимыми в США; ответственность гитлеровского тоталитаризма; бескорыстие исследователей; желание улучшить положение человечества; ограниченные возможности экспериментов на животных; предоставление заключенным возможности искупить вину за совершенные ими преступления. По сей день все начинающие врачи дают клятву Гиппократата⁵, которую можно перевести следующим образом:

Получая допуск к медицинской практике, я обещаю и клянусь быть верным законам чести и порядочности.

Моей главной задачей будет восстановление, сохранение и укрепление здоровья во всех его аспектах – физического и психического, индивидуального и общественного.

Я буду уважать всех людей, их самостоятельность и желания, без какой-либо дискриминации по их состоянию или убеждениям. Я буду вмешиваться, чтобы защитить их, если они ослаблены, уязвимы либо их жизни или достоинству угрожает опасность. Даже под принуждением я не буду использовать свои знания

⁵ В России дают клятву российского врача. – *Примеч. ред.*

вопреки законам человечности.

Я буду информировать пациентов о рассматриваемых вариантах, их причинах и последствиях. Я никогда не обману их доверия и не воспользуюсь властью, данной мне обстоятельствами, чтобы навязать им какое-либо решение.

Я буду заботиться о нуждающихся и о каждом, кто попросит меня. Я не позволю себе поддаться влиянию жадности или стремлению к славе.

Я обязуюсь держать в секрете все доверенные мне тайны. Будучи приглашенным в дом, я буду уважать тайны домашнего очага, а мое поведение не будет служить развращению нравов.

Я буду делать все возможное для облегчения страданий. Я не буду неоправданно затягивать агонию. Я никогда не буду сознательно провоцировать смерть.

Я буду сохранять независимость, необходимую для выполнения моей миссии. Я не буду братья за работу, выходящую за рамки моей компетенции. Я буду поддерживать и совершенствовать свои навыки, чтобы предоставлять услуги наилучшим образом.

Я буду помогать своим коллегам и их семьям в трудную минуту.

Пусть люди и мои коллеги уважают меня, если я буду верен своим обещаниям; пусть я буду опозорен и презираем, если не выполню их.

Вместе с тем в 1939 году в Германии, как и в других странах, только данный текст гарантирует: этика – еще одно сло-

во, которым мы обязаны греческой мысли, – управляет поведением врача. И вот именно этот прекрасный текст извращает и искажает защита, придавая нужный ей смысл. Уже одно это является преступлением против врачебной профессии! Первый аргумент защиты: в тексте нет упоминания об экспериментах, в связи с чем вопросы этики на них не распространяются. Между тем фраза «Я буду уважать всех людей, их самостоятельность и их желания» говорит сама за себя. Защита продолжает: но заключенные – это ведь не пациенты, а преступники, и поэтому врач не связан клятвой, особенно если его целью является «укрепление здоровья во всех его аспектах». Собственно, еще одна бравурная фраза судебного процесса: ставя эксперименты на заключенных в лагерях, то есть подвергая их практике, которая ближе к пыткам, чем к науке, врачи преследовали одну цель – облегчить человеческие страдания и продвинуть человечество вперед. В другом фрагменте защита спрашивает: «Если бы в городе свирепствовала чума и, убив пятерых, вы могли бы спасти пять тысяч, как бы вы поступили?» Звучит красиво для греческой трагедии. На деле полный абсурд, поскольку, как напоминает нам американский эксперт Эндрю Айви, ни один врач не оставил бы на своей совести несмываемое пятно смерти невинных людей. И все же в те безумные времена эти пятеро невинных были лишь недолюдьми, а человечество сводилось к «арийской расе».

Здесь вступает в силу еще один аргумент: влияние идео-

логии. Следует отметить, что нацистская идеология особенно поработила медицину. Во-первых, медицина в то время, задолго до войны, подпитывалась евгеникой⁶. Во-вторых, режим, очень обеспокоенный состоянием медицины в контексте расовых чисток, быстро ввел в действие программу *gleichschaltung*, или «уравнивание». В результате из профессии изгнали всех врачей еврейского происхождения, а многие студенты-медики получили работу. Как следствие, к 1939 году у большинства врачей были нацистские партийные билеты. Приводя еще аргумент в защиту обвиняемых, Фриц Фишер упомянул истинное «обезличивание». Действительно, эксперименты проводились во время войны, и врачи, когда не были одеты в лабораторные халаты, носили форму. Показательно его высказывание: «В то время я был не свободным гражданским врачом, а солдатом, обязанным подчиняться приказам». Он продолжает: «В 1942 году человек не мог подчиняться своему внутреннему закону, лишь высшему порядку, высшему сообществу... Как человек в свободном государстве, я бы не сделал того, что сделал. Однако в военное время, в тоталитарном государстве, есть ситуации, когда человек должен подчиняться, как летчик, обязанный сбросить бомбу. Я просто хочу подчеркнуть: случившееся не было следствием жестокости, а сделано ис-

⁶ Евгеника (от др. – греч. εὐγενής – «хорошего рода», «благородный») – учение о селекции применительно к человеку, а также о путях улучшения его наследственных свойств. Учение было призвано бороться с явлениями вырождения в человеческом генофонде. – *Примеч. ред.*

ключительно ради наших раненых». К счастью, мне никогда не приходилось быть солдатом, но трудно представить, что можно без жестокости погружать людей в ледяную воду и часами наблюдать, как они умирают. Но ведь они дали согласие, напоминает защита! Лагерные врачи действительно могли предложить подопытным кроликам – у меня язык не поворачивается назвать их пациентами – сократить срок заключения. Конечно, выживали немногие, а если и выживали, в обязанности врача не входило проверять, выполнили ли коллеги из администрации их просьбу. Пусть каждый занимается своим делом, так ведь?

Некоторые аргументы могли бы насмешить, если бы от них не накатывали слезы ярости и отвращения.

Самым страшным, несомненно, является аргумент о невозможности проведения экспериментов на животных. Еще в 1933 году, в соответствии с вегетарианской причудой Гитлера, приняли закон, запрещающий жестокое обращение с животными и причинение им страданий. Таким образом, мучая людей, врачи щадили животных и соблюдали закон. Они были исполнителями: «Вы, врачи, лишь орудия», – говорил Гиммлер. Более того, они действовали не из корыстных побуждений. Действительно, эксперименты не приносили ни копейки, по крайней мере во время войны.

Самый щекотливый аргумент касается экспериментов

в США. Немецкие медики-экспериментаторы не стеснялись заявлять, что проявляют большую заботу о здоровье подопытных, чем их коллеги по другую сторону Атлантики. Доктор Зигфрид Руфф выразил настороженность в отношении методики американских экспериментов, отметив: «В американских ВВС солдаты подвергались тем же тренировочным испытаниям на высоте 12 тысяч метров, что и в немецких ВВС. У них было несколько смертей, у нас – ни одной, поскольку американцы держали экипажи на высоте 12 тысяч метров в течение часа, а мы – только пятнадцать минут». Рудольф Брандт, личный советник Гиммлера, напомнил: эксперименты с воздействием холода в США привели к гибели шести человек. Впоследствии они были опубликованы и использованы ВВС США. И нагло заключил: «Эксперименты, проведенные в Дахау, на несколько лет продвинули их собственные исследования». После адвокат взял в руки выпуск журнала *Life* от 4 июня 1945 года, где сообщалось об экспериментах с малярией в трех тюрьмах, где «люди, заключенные в тюрьму как враги общества, помогают бороться с другими врагами общества», и спросил: «Не хотите ли вы высказать мнение о допустимости данных экспериментов?» Двум американским экспертам, Эндрю Айви и Лео Александеру, оказалось несколько труднее отделаться от этого обвинения, но было достаточно указать, что в их случае условия подписанной формы «добровольного согласия» выполнены.

Наконец, обвиняемые констатируют этический и правовой вакуум в области экспериментов на людях и сожалеют об отсутствии соответствующего законодательства. Доктор Курт Бломе, вице-президент Врачебной палаты рейха, заявил, что после войны намерен ввести правовое регулирование экспериментов на людях, так как планировал серию исследований по изучению рака, против которого нацисты вели настоящую войну и сделали ряд фундаментальных открытий (в том числе выявили связь между раком легких и воздействием табака).

«Установить правовое регулирование экспериментов на людях» – таково было единственное желание этих людей, и я рад, что оно было выполнено. Нюрнбергский кодекс, измененный и дополненный несколькими годами позже, заложил основы биоэтики и того, что допустимо в отношении экспериментов на людях. Добавив идею «информированного согласия», он стал результатом вопросов, поставленных не только обвинением, но и защитой. Сегодня кодекс регулирует вопросы медицинской этики.

Можно ли сказать, что нет худа без добра? И пессимисты, и оптимисты смогут сами сделать выводы на последующих страницах.

2

«Человеческий материал» Зигмунд Рашер

Мюнхен и Дахау разделяют всего 10 километров, однако целый мир отделяет сверкающий баварский город от старейшего концентрационного лагеря Германии. Идея возникла у местного жителя и правой руки Гитлера Генриха Гиммлера. В переводе с немецкого его фамилия означает «небеса» (*Himmel*), однако он никогда не испытывал недостатка в дьявольских идеях. Собственно, именно по его приказу в холодном феврале 1944 года раскачивающийся автомобиль, точнее, грузовик для перевозки угля запачкал снежный ландшафт. На этом мрачном черно-белом фоне грузовик в обстановке полной секретности перевозил тяжелый груз в еще более мрачный пункт назначения – лагерь Дахау. Внутри – длинный вертикальный ящик, который походил бы на гроб, если бы не был оснащен большими рычагами, позволяющими не только закрывать его, но и регулировать давление, то есть контролировать уровень ада для тех, кто находится в нем.

На другой стороне получатель, невысокий коренастый мужчина с редкими, несмотря на возраст, рыжими волосами, ликовал. Десятью днями ранее доктор Зигмунд Рашер отме-

тил тридцать девятый день рождения. Гиммлер не мог преподнести ему лучшего подарка: великолепную барокамеру, к которой прилагались все необходимые разрешения для проведения экспериментов по аэронавтике, о которых он мечтал, но в которых отказывали коллеги. Действительно, еще со времен службы в военно-воздушных силах Рашер питал истинное восхищение и страсть к авиации. Между тем проблема была в том, что самолеты, завлеченные их противниками из Королевских ВВС, летают на все больших высотах, поэтому при катапультировании из кабины пилоты подвергаются все большим перепадам давления и температуры – условиям, которые невыносимы для человеческого организма и могут привести к смерти. Тела летчиков то и дело находили с лопнувшими барабанными перепонками, с жидкостью в мозге и легких, а также с сердцем в весьма удручающем состоянии. Возникает естественный вопрос: что именно приводит к смерти? Теоретически человек способен достичь любой высоты... если находится в самолете с герметичной кабиной. Но как только герметичность нарушается, организм подвергается воздействию низкого давления, холода и нехватки кислорода, пропорциональных высоте. За изучение физиологии сердечно-дыхательной системы на большой высоте отвечает немецкий испытательный центр авиации в Адлерсхофе, недалеко от Берлина. Хотя медицинская наука того времени знала все о влиянии на человека высоты вплоть до 8 тысяч метров, за этой отметкой практически ни-

чего не было известно. Центр попытался провести несколько экспериментов на животных. Однако, с одной стороны, непросто попросить их раскрыть в воздухе парашют, а с другой – вышел закон, запрещающий эксперименты на животных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.